

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2023

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 2 (124) Том 14 - Советская античность | Историк и текст.
2023

Политическая мифология в сочинении Валерия Максима

Сморчков Андрей Михайлович

*Российский государственный гуманитарный университет
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

В статье рассмотрены представления о республике в сочинении римского автора Валерия Максима, жившего в начале принципата. Для анализа взяты наиболее показательные элементы республиканского устройства: народное собрание, сенат, плебейские трибуны, свобода, враги свободы, а также образ Катона Младшего как воплощение морального духа республики. В повествовании Валерия преобладают выдающиеся личности и сенат, что вполне отвечает современной ему политической ситуации. В таком внимании к личности отражается определенный отход от полисного коллективизма. «Свобода» воспринимается Валерием, несомненно, как антипод власти единоличной, хотя особое положение принцепса в новой политической системе осознавалось и нашим автором. Однако противоречие здесь лишь внешнее, поскольку уже при Августе сформировалось понимание свободы как «безопасности» (*securitas*), что связывало свободу с авторитарной властью. Взгляды Валерия Максима в основном соответствуют оптиматскому мировоззрению, то есть *res publica* прошлого для него, в первую очередь, связана с руководством сената. Но этот оптиматский взгляд отражает противостояние «лучших граждан» не только неразумному народу, но и притязаниям выдающейся личности на единоличное правление. В этом отношении данная «программа» пришла в явное противоречие с новой политической ситуацией, меняясь и приспособляясь по мере усиления монархического начала. Трансформация оптиматских взглядов показана на примере яркого сторонника республики Катона Младшего, образ которого в сочинении Валерия Максима отражает превращение событий прошлого в хрестоматийные примеры вне исторического контекста.

Ключевые слова: Валерий Максим, республика, принципат, сенат, плебейские трибуны, свобода, Катон Младший

Дата публикации: 15.03.2023

Источник финансирования:

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда «Дискурс государственной власти в древних обществах и рецепция его элементов в мировых и российских общественно-политических практиках» (проект № 19-18-00549), реализуемого в Российском государственном гуманитарном университете.

Ссылка для цитирования:

Сморчков А. М. Политическая мифология в сочинении Валерия Максима // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 2 (124). URL: <https://history.jes.su/s207987840024673-9-1/>. DOI: 10.18254/S207987840024673-9

¹ Человеческая память сохраняет информацию даже о ближайшем прошлом избирательно, облекая эти воспоминания в весьма своеобразную оболочку, которую можно назвать мифологической. Только историк способен создать более или менее полнокровную картину прошлого в его многомерности. Но и он подвержен устоявшимся представлениям, стереотипам, системе ценностного отбора событий, которая определяется как личными предпочтениями, так и общественными установками. Особый интерес представляют переходные эпохи, когда сталкиваются и взаимодействуют разные социально-политические и идеологические парадигмы, схожие и противоположные одновременно. Собственно, мое поколение, чья сознательная жизнь началась в советские времена, стало свидетелем такой смены парадигм. В подобном положении оказался и рассматриваемый в данной статье автор сочинения под названием «Девять книг достопамятных деяний и высказываний» Валерий Максим, родившийся при Империи, в самом ее начале, но сохранивший в своем мировоззрении немалое наследие республиканских взглядов, что порождало порой весьма противоречивую амальгаму.

² Сразу же оговорюсь, что термин «республика» и производные я употребляю в современном терминологическом смысле, оставляя для собственно римского понимания латинский вариант *res publica* либо употребляя слово с заглавной буквы (как правило, в переводах цитат)¹. Впрочем, и римским авторам не было чуждо понимание периода до принципата как особого, отличного от нового режима, что ясно следует из знаменитой сентенции Тацита о конце правления Августа: «сколь мало осталось тех, кто видел Республику (*rem publicam*: Tac. Ann. I. 3, ср. Suet. Aug. XXVIII. 1)². Отмечу также, что ситуация у Валерия Максима во многих принципиальных моментах отличается от современной нам. Ведь древнее общество во всех элементах своего бытия отличалось значительной приверженностью традиции даже там, где речь фактически шла поистине о революционных изменениях. Тем не менее, если в повседневной жизни древнеримского общества, в его моральных ценностях наблюдается естественный консерватизм, характерный для архаического

мировосприятия, то в социально-политической жизни ситуация сложнее. Здесь скорее следует ожидать столкновения республиканских добродетелей с новой политической реальностью. Ведь эти добродетели вошли составной частью в политическую мифологию, в представления римлян о себе и своем государстве, потому не могли быть просто забыты или отвергнуты. Основатели принципата позиционировали новую политическую систему как продолжение старой, республиканской, поэтому необходимо было как-то сочетать старые идеалы с новой действительностью. Естественно, чем дальше развивался новый строй, тем больше данная задача теряла свою актуальность, но все же не исчезала полностью никогда.

³ Для Рима политические мифы, отражающие тесную связь религии и власти, стали органичной частью представлений о себе и своем прошлом, свидетельством чего является своеобразный «римский миф», именно при Августе достигший своего наиболее полного развития. Таким образом, имперская по сути идеология («Риму богами назначено править миром») имела республиканские корни, связывая воедино две политические системы. Собственно, и взгляд самого Валерия, как правило, обращен в прошлое, современная или относительно близкая ему действительность представлена крайне скудно³. Поэтому политическая мифология, относящаяся непосредственно к становлению принципата⁴, будет затронута в статье лишь по мере необходимости, а основное внимание уделено ее республиканским элементам.

⁴ Важнейшая задача, которую Валерий Максим ставил перед собой (помимо формальной цели помочь оратору в подборе примеров), может быть определена как морально-дидактическая. Соответственно, его внимание приковано к личностям, а не к политическим институтам, которые, если и упоминаются, то как некий коллективный персонаж (в таком качестве чаще всего выступает сенат). Потому повествование облечено в поучительно-назидательную форму оценки должного и недолжного поведения. Тем не менее, политические сюжеты представлены в сочинении Валерия Максима весьма широко, ибо это основная арена, на которой разворачивается борьба Добродетели и Порока — главная тема его сочинения, указанная уже во Введении: «... взываю к тебе, Цезарь [Тиберий. — А. С.], ... чье небесное провидение всемилостиво оказывает поддержку добродетелям, о коих я буду рассказывать, а пороки самым суровым образом карает». Ведь жизнь гражданина полиса была тесно связана с общественной деятельностью (в больших или меньших масштабах), поскольку судьба каждого зависела от существования объединяющей их гражданской общины. Поэтому политика постоянно вторгается на страницы сочинения Валерия Максима, ее присутствие пронизывает большинство его рассказов, но при этом он избегает явного сравнения прошлого и современности в данном аспекте. К императорам и их деяниям его отношение можно охарактеризовать как восторженное⁵. Конечно, есть сравнения и не в пользу настоящего, когда речь заходит о нравах, но критический запал сглажен и выглядит как некая дань вневременным устоявшимся топосам (распушенность женщин, их страсть к украшениям, роскошь в частной жизни и тому подобное)⁶.

⁵ Нельзя не отметить нередкую неоднозначность восприятия Валерия Максима. Одного и того же человека он может подать в разных контекстах, так что

главный герой явит либо положительный, либо отрицательный пример, как наиболее часто упоминаемый им Гай Марий⁷. Несомненно, такой подход следует отнести к достоинствам, поскольку тем самым отражается многосторонность любой человеческой личности, далекой от черно-белой оценки, хотя мы не можем сказать, насколько наш автор сознательно следовал этому. Ведь в такой неоднозначности могла отражаться и неоднозначность переходного периода, в котором он жил.

6 Что касается республиканского прошлого, то у Валерия в рассказе о политических событиях явно преобладают сенат и выдающиеся личности, что вполне отвечает современной ему ситуации, где первую роль играли, конечно, императоры и их сподвижники, но и сенат продолжал сохранять важное значение, являясь связующей нитью между республикой и принципатом. При всем неоднократно высказываемом уважении к сенату⁸ личность явно преобладает в повествовании Валерия вплоть до того, что в ряде рассказов выдающийся гражданин исправляет и подправляет решения сената (III. 7. 1c; IV. 1. 4; 6a; 6b; 14). Причем в первом рассказе наш автор даже извращает позицию сената, который якобы запретил Сципиону Старшему переправляться в Африку для завершения Второй Пунической войны⁹. В таком внимании к личности явно отражается определенный отход от полисного коллективизма, наиболее ярким воплощением которого служит сочинение Катона Старшего «Начала», где, напротив, личность (правда, не самого Катона!) максимально убрана из исторического повествования ради прославления деяний народа в целом. Впрочем, Й. Рюпке в отмеченной концентрации внимания на личностях (и доблестях) в сочинении Валерия Максима видит преемственность между республикой и империей в представлении нашего автора (и его современника Веллея Патеркула)¹⁰. Если насчет доблестей сомнений нет, то касательно личностей такая трактовка выглядит парадоксальной ввиду коллективистских полисных ценностей.

7 Квинтэссенцией полисной организации являлось народное собрание, воплощавшее и олицетворявшее гражданский коллектив, но при новом режиме оно сошло на нет, будучи ликвидировано как институт в самом начале правления Тиберия, то есть на глазах Валерия Максима. Потому не удивляет, что народное собрание фактически отсутствует в сочинении Валерия, появляясь лишь в рассказах о выборах либо о судебных процессах, где оно выступает как фон для повествования о личностях. Более всего это молчание нашего автора заметно в сравнении с сенатом, по поводу которого Валерий неоднократно прямо высказывался, в том числе о его роли и значении в управлении. Таким образом, народное собрание, являвшееся политическим воплощением полиса, совершенно не интересует Валерия как политический орган. Его внимание, как было сказано, сосредоточено на сенате и выдающихся личностях. Показательно сравнение рассказа Валерия об отказе от консульства Т. Манлия Торквата в 211 г. до н. э. (VI. 4. 1b) с тем же эпизодом в гораздо более подробном повествовании Ливия (XXVI. 22. 2—15). Если Валерий свел свой краткий рассказ к величию человека («Сколь веский глас частного лица! Сколь тяжкими оказались бы его консульские фасции!»), то Ливий сосредоточил свое внимание на достойном поведении народного собрания и, воспользовавшись поводом, порассуждал о величии нравов предков — и у власть имущих, и у народа (XXVI. 22. 14—15).

8 Ливий, один из основных источников Валерия, уделяет деятельности народных собраний вполне достойное место, чего не скажешь о его младшем современнике, что отражает принципиальную разницу в политической ситуации для этих двух поколений, повлиявшую и на их политические предпочтения. А ведь наших авторов разделяла относительно небольшая разница в возрасте: Валерий был подростком в момент смерти Ливия, то есть они жили примерно в одну эпоху. Примерно, поскольку в небольшой промежуток времени тогда вместились кардинальные перемены в жизни римского общества и государства: на смену республики пришла монархия, и если Ливий был взрослым человеком, когда этот переход совершался, то Валерий родился и сформировался уже при новой системе. Отсюда и ясно прослеживаемая разница в их взглядах при всем сходстве базовых ценностей (а это ценности республиканские): Ливий был открытым, хотя и не активным, сторонником республики, за что Август в шутку называл его помпеянцем, а Валерия можно достаточно уверенно назвать искренним сторонником новой, фактически монархической, системы. При этом Ливий не был оппозиционером и входил в круг лиц, близких к императору Августу. Валерий, по всей видимости, был весьма далек от тех, кто вершил политику, то есть относился к обычным людям. Так что Тит Ливий стоит у начала процесса, сформировавшись еще в республиканскую эпоху, а Валерий Максим — в конце, относясь уже и фактически, и ментально к новой эпохе. Но республиканские ценности для обоих продолжают сохранять свое значение и остаются образцом для подражания, пусть и по-разному.

9 Таким образом, хотя «народ» (чаще *populus*, чем *plebs*¹¹) — довольно часто упоминаемая Валерием категория, но «организованный народ» (то есть народное собрание) фактически отсутствует на страницах его произведения. Как элемент политической структуры «народ» у Валерия скорее воплощается в плебейских трибунах. Они упоминаются в 64 рассказах¹², в основном как нейтральное сопровождение иного факта (например, внесение закона или судебный процесс¹³). Но в некоторых случаях имеются оценочные суждения и даже элементы рефлексии по поводу их власти. Учтем при этом, что *potestas tribunicia* была важной составной частью императорских полномочий, выполняя, в частности, фактически эпонимную функцию. Потому в ней, как и в сенате, наиболее полно воплотилась связь с республикой, провозглашенная основой нового (в пропаганде — прежнего) режима. Так что вполне понятно внимание к этим республиканским институтам, может быть, и не осознаваемое. Касательно самих плебейских трибунов, то, с одной стороны, безусловно осуждаются аграрные волнения, вдохновляемые трибунами. С другой стороны, отмечено и позитивное значение трибунской власти, направленной на защиту сограждан, что вполне отвечает заявляемым целям и задачам трибунских полномочий императоров. В частности, Валерий указывает, что трибуны «стояли на страже интересов плебса и задачей их было ограничивать высшие власти» (II. 2. 7; IV. 1. 8ext.). Получается любопытное сочетание несочетаемого — власть контролирующая (трибунская) и власть распорядительная (*imperium maius*) оказались соединенными в личности императора. Понятно, что Валерий никак не комментирует это странное (с точки зрения республиканской политической организации) сочетание.

10 Плебейский трибуна́т у Валерия находится в сложных отношениях с такой важной для характеристики римского общественно-политического строя категорией как «свобода» (*libertas*). Она упоминается Валерием во всем многообразии ее аспектов — в позитивном (наличие прав) и негативном (отсутствие господства), внешнеполитическом и внутривнутриполитическом, частном (касательно отдельного гражданина) и общественном (касательно всей римской общины/государства). Именно последний аспект, трактовки которого в римской политической теории и практике также были неоднозначными, представляет особый интерес для изучения политической мифологии. Валерий не раз упоминал свободу в общественном/политическом смысле и в отношении Рима, и в отношении других государств. В частности, тиран Дионисий Старший характеризуется как враг свободы Сиракуз, уничтоживший ее (I. 7. 6ext.). Порицается тирания Писистратидов в рассказе о подвиге Гармония и Аристогитона (II. 10. 1ext.) и тирания Тридцати в похвальном слове Фрасибулу (IV. 1. 4ext.; V. 6. 2 ext.). Отсутствие свободы признается при мягкой тирании Писистрата (VIII. 9. 1ext.) и даже при Перикле, чье правление названо фактической тиранией: «Перикл ... наложил ярмо рабства на свободные шеи афинян» (*ibid.* 2ext.). Рабством названо положение Агригента при тиране Фалариде, от которого следовало освободиться (III. 3. 2ext.), свободным стал Самос после гибели тирана Поликрата (VI. 9. 5ext.). Так что вполне в духе античной традиции свободная гражданская община противопоставляется тирании и даже (фактически единоличному) правлению Перикла. Обращает внимание, что в последнем случае аналогия с правлением наилучшего гражданина (принцепса) в современном Валерии Риме напрашивается сама собой, но, естественно, ее нет в его сочинении и быть не может.

11 В том же духе «свобода» в римском политическом дискурсе начинается с ликвидации царской власти, что является общим местом в античной историографии и разделяется Валерием (I. 8. 5; IV. 1. 1; V. 6. 1; 8. 1; VI. 1. 1; VII. 3. 2; VIII. 9. 1). Соответственно, «свобода» фактически (и теоретически) приравнивается к республиканскому политическому устройству¹⁴. Это заметно и у Валерия, который именуется положение после изгнания царей «недавно обретенной свободой» (I. 8. 5), «новой и непривычной свободой» (VIII. 9. 1). Таким образом, свобода противостоит царской власти (V. 3. 2g; 6. 3; 7. 2; 8. 2; VI. 2. 7; 3. 1b). Поэтому заслугой П. Валерия Публиколы, одного из отцов-основателей Республики, наш автор считает сокращение могущества консульской власти, унаследовавшей власть царскую, и подробно перечисляет принятые им меры, завершив рассказ весьма показательным итоговим выводом: «Таким образом, он постепенно уничтожил свою власть, чтобы в положении граждан стало больше свободы» (IV. 1. 1). Причем в изложении Валерия эта свобода является достоянием римской общины как таковой, объединяющей все слои граждан: в связи с обретением свободы он говорит о «римлянах» (*Romani*: I. 8. 5), о «народе» (*populus*: VIII. 9. 1), о «римском народе» (*populus Romanus*: V. 6. 1; VI. 1. 1), о «римской свободе» (*libertas Romana*: V. 8. 1), о «городе» (*urbs*: VII. 3. 2), о «гражданах» (*cives*: V. 3. 2g). Соответственно, хотя изгнание царей произошло по инициативе родственников Лукреции, но сделано это было в интересах народа, изнывавшего от царского произвола, — опять же общее место в античной

историографии, хотя монархические настроения плебса в ней отражены достаточно хорошо даже без явной рефлексии по этому поводу¹⁵.

¹² Итак, «свобода» воспринимается Валерием, несомненно, как антипод власти единоличной. Тем не менее с этой властью не все однозначно. Ведь особое положение принцепса в новой политической системе осознавалось и нашим автором, как явно видно в славословиях, например, в честь императора Тиберия: «...Творец и защита нашей безопасности с божественной пронизательностью предусмотрел, чтобы его выдающиеся заслуги не рухнули вместе с крахом всего мира. Поэтому продолжается мирная жизнь, действуют законы, сохраняется естественный ход частной и общественной деятельности» (IX. 11. 4ext.). Получается, что такая личность, занимающая особое положение, не противостоит свободе, а поддерживает ее. Само собой, рефлексии по этому поводу у нашего автора мы не найдем. Впрочем, противоречие здесь лишь внешнее, поскольку понятие свободы трактовалось по-разному в разные времена в зависимости от политических убеждений и политической необходимости¹⁶. Нашлось ему место и в пропаганде раннего принципата, хотя обращение к *libertas* было вынужденным (в силу популярности этого лозунга во время гражданских войн) и постепенно заменено другими идеологемами¹⁷. У Вергилия, чье творчество сыграло огромную роль в идеологическом обосновании нового режима, свобода получила вполне приемлемое для Августа понимание, будучи сопряжена с понятием «безопасность» (*securitas*)¹⁸, которую как раз и обеспечил Август, завершив гражданские войны и принеся Риму внутренний мир, что соответствовало чаяниям подавляющего большинства римских граждан, не причастных к реальной власти (т.н. неполитический класс)¹⁹. Таким образом свобода оказывается связанной с авторитарной властью в достаточно гармоничном сочетании, что, конечно, не исключало наличия противоположных трактовок, представленных, в частности, сенатской оппозицией.

¹³ В другой взаимосвязи Валерий в про-сенатском духе понимает свободу как категорию, скорее противостоящую «народу» (можно сказать, толпе, черни, но все же гражданам как некоей совокупности), чем ассоциируемую с ним²⁰. Потому плебейские трибуны, названные самим Валерием защитниками народа (II. 2. 7; IV. 1. 8ext.), в ряде случаев изображаются как враги свободы и Республики. Валерий разделяет практически господствующее²¹ в латиноязычной литературе негативное отношение к движениям низших слоев римского гражданства, инспирированным, в первую очередь, плебейскими трибунами. В частности, он безоговорочно осуждает братьев Гракхов²²: Тиберий «держал Республику в подчинении» (III. 2. 17), готов был «задушить Республику, схватив ее за горло» (V. 3. 2e), Гай использовал свой талант «для разрушения Республики» (VIII. 10. 1). В «мятежных» трибунах Валерий видит покушение на ту самую воспеваемую им свободу: «Когда плебейский трибун Сатурнин, претор Главция и плебейский трибун следующего года Эквиций подняли среди наших сограждан сильнейшие волнения и распри, и никто не оказывал противодействия возбужденному народу (*populus*), Марк Эмилий Скавр первым призвал Гая Мария, исполнявшего шестое консульство, силой защитить свободу и законы» (III. 2. 18). Как видим, народ во главе со своими лидерами выступает как враг свободы, которая упомянута в одной связке с законами. А защитником свободы, соответственно, оказывается сенат в

лице М. Эмилия, вставшего с оружием перед входом в курию. Подобная история рассказана и о П. Корнелии Лентуле во время подавления мятежа Гая Гракха: «Публий Лентул, прославленный гражданин, горячо любивший Республику, рассеял преступные начинания и войско Гая Гракха в благочестивой и мужественной битве на Авентине, сам получив тяжелые ранения. Но за это сражение, благодаря которому он сохранил законы, мир и свободу в своем состоянии...» (V. 3. 2f). И здесь, как видим, свобода связана с законами, к коим добавлен (внутренний) мир.

¹⁴ Поэтому неудивительно, что первым пяти рассказам главы «О суровости» Валерий дает такую общую характеристику: в них Суровость явилась стражем и заступницей (*custos et vindex*) свободы (VI. 3. 3a)²³. В стремлении подавить свободу Валерий обвинил М. Манлия Капитолийского (VI. 3. 1a), вставшего на защиту должников. Как врагов свободы, понесших справедливое наказание, наш автор называет и Сп. Мелия (V. 3. 2g; VI. 3. 1c) со Сп. Кассием (VI. 3. 2) из начальной республиканской истории, и Марка Флакка с Луцием Сатурнином из периода кризиса республики (VI. 3. 1c). Причем сенат и народ (в классической формуле *senatus populusque Romanus*) действовали вместе при наказании Сп. Кассия (VI. 3. 1b). В этом разделе у Валерия представлен «классический набор» понесших наказание врагов свободы и порядка²⁴.

¹⁵ Представляет интерес использованная Валерием терминология в другом рассказе о наказании того же Сп. Кассия (V. 8. 2)²⁵. Валерий оставил уникальное свидетельство, что Сп. Кассий предложил аграрный закон в качестве плебейского трибуна (господствует традиция о его консульском достоинстве²⁶). Не исключено, конечно, что Валерий ошибся, логически предположив его должность ввиду характера приписываемых Кассию деяний, свойственных именно трибунам. Исходя из этого представления, Валерий обозначил суть его действий термином *populariter*, т.е. именно так, как обозначали деятельность одного из течений в политической борьбе конца республики. Мой собственный перевод «в интересах народа»²⁷ соответствует политике и пропаганде популяров²⁸, но все же упрощает смысл. «Действовать как популяр» в поздне-республиканском политическом дискурсе, особенно с точки зрения оппонентов-оптиматов, как раз означало подрывать устои государства через демагогические заигрывания с чернью²⁹. С таких позиций нет противоречия между словами «действовал как популяр/в интересах народа» и «виновный в стремлении к царской власти». Такое сочетание вполне могло быть навеяно судьбой Тиб. Гракха и других популяров, в том числе Г. Юлия Цезаря³⁰.

¹⁶ Таким образом, республиканское прошлое Валерий оценивает преимущественно с про-сенатских позиций (там, где есть столкновение взглядов), хотя сам, скорее всего, простого происхождения³¹. Квинтэссенцией, пожалуй, является рассказ, в котором Валерий, осуждая деятельность Тиберия Гракха, приводит его слова (явно вымышленные), что «после уничтожения сената все должно осуществляться через простой народ (*plebs*)» (III. 2. 17). Такая позиция свойственна не только нашему автору. Другим показательным примером является восхваление, в том числе Ливием, которому, по всей видимости, здесь следует Валерий, цензора Кв. Фабия (304 г. до н.э.)³²: «Фабий, будучи цензором вместе с Публием Децием, ради прекращения раздора, который разожгли народные

собрания, отданные во власть всякого сброда, распределил всю рыночную толпу только по четырем трибам и назвал их городскими. За это столь полезное деяние [сей] муж, к тому же выдающийся в военных делах, был назван Максимом («Величайшим»)» (II. 2. 9b). Такое отношение средних классов к низшим слоям вполне понятно. Как и критика Валерием консула Варрона, объявленного виновным за поражение при Каннах, который «вышел из мясной лавки отца» (III. 4. 4): здесь сквозит презрение к выскочке. Осуждает Валерий и италиков, боровшихся за римское гражданство (III. 1. 2a; IX. 5. 1), хотя скорее всего, и сам происходил не из коренных римлян. Впрочем, в этом случае, несомненно, сказались негативное отношение к любым смутам и насильственным действиям, безотносительно справедливости их целей.

¹⁷ Вернемся к вышеупомянутому деянию Кв. Фабия. Ведь кто распределил чернь по всем трибам, вследствие чего изменилось соотношение сил при голосовании (поскольку каждая триба имела один голос) и потребовались затем цензорские контрдействия? Знаменитый Аппий Клавдий Цек во время своей цензуры, предшествовавшей цензуре Фабия. Личность весьма противоречивая³³, но не для Валерия, для которого в двух рассказах он герой положительный (VII. 2. 1; VIII. 13. 5), лишь в одном приведена хрестоматийная история о том, что он понес наказание от богов, ослепнув за изменение, внесенное в традиционный ритуал (I. 1. 17). А потому, в отличие от Ливия, Валерий не упоминает о неудавшейся реформе Аппия. Не упоминает он и о том, что его креатурой являлся Гней Флавий, чьи реформы и действия сильно подорвали позиции римской олигархии (II. 5. 2; IX. 3. 3). Более того, Валерий Максим с явным удовольствием описывает демарш Гнея Флавия, коим тот унизил высокомерие знати. Пожалуй, это чуть ли не единственный случай, когда симпатии Валерия на стороне выходца из низов против знати (см. еще VII. 5. 2).

¹⁸ Итак, как можно заметить, взгляды Валерия Максима в основном соответствуют оптиматскому мировоззрению³⁴, то есть *res publica* прошлого для него, в первую очередь, связана с руководством сената. Но в этом взгляде есть внутреннее противоречие с окружающей Валерия социально-политической действительностью. Ведь этот оптиматский взгляд отражает противостояние «лучших граждан» не только неразумному народу, но и притязаниям выдающейся личности на единоличное правление. Не зря ведь в теории круговорота политических форм именно аристократия (в греческом значении «лучшие») свергает тиранию (см., например, Polyb. VI. 4. 7—10). Так же обстояло дело и с «изгнанием царей», хотя античная историография пыталась представить его как совместное деяние народа и верхушки. Обращает на себя внимание, что большинство рассказов, помещенных в главу 2 книги VI «Вольные высказывания и деяния», отражают оптиматский взгляд на свободу слова, т.е. свобода речи представлена как свобода высказывания против могущественной личности, а не как таковая, присущая всем гражданам.

¹⁹ Такие взгляды Валерия Максима вряд ли объясняются происхождением или социальным положением (в отличие от его современника сенатора Веллея Патеркула, автора «Римской истории»). Здесь скорее сказывалась зависимость от источников, в частности, от Цицерона, яркого сторонника оптиматов. Но могла оказать влияние и общая интеллектуальная и политическая атмосфера

императорского Рима, в которой не осталось места для акций в духе популяров, ибо любой популизм являлся покушением на саму императорскую власть, соответственно, на основы государства. Время больших народных движений, подобных гракханскому, давно миновало, а вот оптиматские идеи еще продолжали жить, воплощаясь в сенатской оппозиции. Таким образом, Валерий Максим фактически повторяет поздне-республиканскую «оптиматскую программу», не будучи в этом оригинален. Однако, как было сказано, она находилась в оппозиции не только к «народу» (толпе, черни), с чем не было проблем в новых условиях, но также к выдающейся личности, ибо аристократия не приемлет чье-либо возвышение. А вот в этом отношении данная «программа» пришла в явное противоречие с изменившейся политической ситуацией. Но и здесь в итоге было найдено гармоничное сочетание старых традиций и современных реалий.

²⁰ Пожалуй, наиболее показательным в отношении этой гармонизации противоречивой системы взглядов является образ Катона Младшего (Утического). Для Валерия он яркое воплощение «идеального гражданина»: «Наследственное имущество у него было незначительным, нравы в силу воздержанности скромными, клиентов немного, дом закрыт для искательства, в отцовском роду один знаменитый предок, облик малоприветливый — но во всех отношениях превосходная доблесть. Именно она сделала так, что всякий, кто хотел бы указать на безупречного и превосходного гражданина, именует его Катонем» (II. 10. 8). Причем данное похвальное слово вставлено в рассказ о посещении Катонем весьма сомнительного зрелища на празднике Флоралий, сопровождавшегося стриптизом³⁵. Валерий хвалит Катона даже за чтение греческих книг в ожидании заседания сената (VIII. 7. 2)³⁶, что отнюдь не вписывалось в римские представления о должном поведении государственного мужа (ср. II. 2. 2). Валерий не скупится на похвалы Катону³⁷ и превозносит его знаменитое самоубийство: «Памятником твоей, также славнейшей, смерти, Катон, служит Утика, в которой из мужественнейших ран твоих больше славы проистекло, чем крови. Ибо, с огромной решимостью пав на меч, ты дал людям великий пример, насколько для честных должно быть предпочтительнее достоинство без жизни, чем жизнь без достоинства» (III. 2. 14, ср. V. 1. 10). Но об обстоятельствах, приведших к смерти Катона, Валерий умалчивает, равно как максимально скрыто противостояние Катона Цезарю. Лишь в двух рассказах есть намеки на это, но весьма невнятные, причем оба антагониста представлены в достойном свете (II. 10. 7; V. 1. 10). Таким образом, Катон как олицетворение республиканских ценностей (в оптиматском понимании) оказывается моральным идеалом вне своей яркой политической деятельности, которая фактически противостояла созданию нового режима. При этом он исключительно положительный персонаж без какого-либо намека на его критику. О чем это может говорить? О том, что страсти отгорели, и вот уже сам Август с уважением отзывается о героях республики — о Катоне (Macr. Sat. II. 4. 18) и Цицероне (Plut. Cic. 49)³⁸. Политическое содержание их деятельности оказалось вытравленным, и в таком виде они вполне вписались в сочинение, восхваляющее новый властный режим, утратив образ борцов с единовластием, оставшись образцом морали (первый) и литературного стиля (второй)³⁹.

²¹ Вот так прошлое становится действительно прошлым, воспоминанием, тенью некогда бушевавших страстей, превращается в хрестоматийные примеры

вне исторического контекста. К схожим выводам на ином материале (анализируя социальную действительность в изложении Валерия Максима, прежде всего, в рамках семейных и дружеских отношений) пришла У. Лукарелли: «Центральным структурным принципом валериевой трактовки прошлого является “морализация” пространства памяти. Валерий фокусирует свое изложение примеров и оценку эпизодов и поступков из прошлого на моральных и ценностных аспектах, в то время как сферы политических и структурных конфликтов он затуманивает или, по крайней мере, отодвигает на задний план»⁴⁰. Обратную картину представляет сочинение Кремуция Корда, современника нашего автора, которое, по всей видимости, отличалось четко выраженной анти-цезарианской позицией, а потому было запрещено (Тас. Ann. IV. 34—35). Другими словами, республиканские идеи еще сохраняли свою привлекательность, соответственно, могли казаться опасными, но в трудах сторонников монархии они подвергались выхолащиванию за счет смещения акцентов и тем самым входили в римский набор риторических примеров, как и в сочинении Валерия Максима. Собственно, последние сожаления о республике, точнее, о невозможности возврата к ней, были сказаны императором Гальбой (Тас. Hist. I. 16. 1), что, пожалуй, можно считать неким знаком окончательной победы нового строя в области политической идеологии. Однако славное прошлое, тесно связанное с «римским мифом», представляемое как единая цепь событий, где герои и анти-герои равно необходимы на пути к «прекрасному настоящему», тем самым образовывало неотъемлемую часть этого настоящего, пусть даже иначе интерпретированную для гармонии с изменившимися обстоятельствами.

Примечания:

1. О различии современной и римской терминологии кратко и емко см.: Межеричкий Ю. Я. «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016. С. 18—20.
2. Подробный анализ см.: Wilkinson S. Republicanism during the Early Roman Empire. L.; N. Y., 2012 (esp. P. 12—17). См. также: Gowing A. M. Empire and Memory. The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture. Cambridge, 2005. P. 4—6.
3. Сморгчов А. М. Валерий Максим: римлянин на грани веков // Вестник древней истории. Т. 79. 2019. № 1. С. 85—86.
4. См., например: Bloomer W. M. Valerius Maximus and the Rhetoric of the New Nobility. Chapel Hill, 1992. P. 204—229; Gowing A. M. Empire and Memory. The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture. Cambridge, 2005. P. 28—66 (esp. P. 49—62); Lobur J. The power of examples and examples of power // Paideia. Vol. LXVIII. 2013. P. 293—325 (с подробной историографией). Так или иначе данная проблема затрагивается во всех работах, посвященных становлению принципата, которое сопровождалось, пожалуй, беспрецедентной битвой за умы сограждан.
5. Сморгчов А. М. Валерий Максим: римлянин на грани веков // Вестник древней истории. Т. 79. 2019. № 1. С. 86—88.
6. Сморгчов А. М. Прошлое и настоящее в системе ценностей Валерия Максима // Древние цивилизации: социум и человек. Доклады конференции Российской ассоциации антиковедов с международным участием. Ярославль, 2018. С. 196—204 (особ. 201—202).
7. Carney T. F. The Picture of Marius in Valerius Maximus // RhM. 1962. Vol. 105. P. 289—337.
8. E.g. Val. Max. I. 1. 15; II. 2. 1b; 6; 8; 4. 2; IV. 4. 10; V. 2. 1b; VI. 6. 5; VIII. 9. 1.
9. В сенате, конечно, имелась серьезная оппозиция Сципиону, но все же сенат поддержал его план: Liv. XXVIII. 40—45 (45. 8); XXIX. 22. 11; Sil. Ital. XVI. 698—700; Plut. Fab. 25—26; App. Lyb. 7.
10. Rüpke J. Knowledge of Religion in Valerius Maximus' Exempla: Roman Historiography and Tiberian Memory Culture // Memory in Ancient Rome and Early Christianity / ed. by K. Galinsky. Oxford, 2016. P. 105.

11. Павлов А. А. Плебейский трибунал Римской Республики в античных политических теориях, сочинениях антикваров и юристов. М.; СПб., 2022. С. 173—175.
12. Там же. С. 152.
13. Такая информация преобладает: там же. С. 160.
14. Wirszubski C. *Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate*. Cambridge, 1968. P. 3—6 (esp. 5); Gowing A. M. *Empire and Memory. The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture*. Cambridge, 2005. P. 18; Токарев А. Н. Становление официальной идеологии принципата императора Августа. Харьков, 2011. С. 61—63 (с подробной историографией).
15. Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // *Культура древнего Рима*. Т. 1. М., 1985. С. 27—29.
16. Wirszubski C. *Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate*. Cambridge, 1968. P. 3—30; Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // *Культура древнего Рима*. Т. 1. М., 1985. С. 26—27.
17. Межеричкий Ю. Я. «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016. С. 490—498.
18. Galinsky K. *Vergil's Uses of "Libertas": Texts and Contexts* // *Vergilius*. 2006. Vol. 52. P. 3—19; Xinyue B. (Un)Seeing Augustus: *Libertas*, Divinisation, and the *Iuvenis* of Virgil's First Eclogue // *JRS*. 2021. Vol. 111. P. 31—48. Этот вопрос основательно рассмотрен в статье Д. А. Усова «Идея закона как средство легитимации авторитаризма в "Георгиках" Вергилия» (в печати в журнале «Вестник РГГУ»).
19. Galinsky K. *Augustan Culture: an Interpretive Introduction*. Princeton, 1996. P. 55—56.
20. О таком понимании свободы см.: Там же. P. 54—55; Межеричкий Ю. Я. «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016. С. 490—491.
21. Токарев А. Н. Становление официальной идеологии принципата императора Августа. Харьков, 2011. С. 61 (ср. С. 68).
22. Val. Max. I. 4. 2; III. 2. 17; IV. 7. 1; 2; V. 3. 2e; 2f; VI. 2. 3; 3. 1d; 8. 3; VII. 2. 6b; VIII. 10. 1; IX. 4. 3.
23. Анализ данной главы см.: Maslakov G. *Valerius Maximus and Roman Historiography: A Study of the Exempla Tradition* // *ANRW*. II, 32, 1. В.; N. Y., 1984. P. 476—484.
24. Ср. Cic. Dom. 101—102; Pro Mil. 8; Rep. II. 49; Phil. II. 87; 114.
25. «Примеру Брута подражал Кассий. Его сын Спурий Кассий, плебейский трибун, первым предложил аграрный закон и благодаря многим другим действиям в интересах народа (*populariter*) повязал души людей любовью к себе и так удерживал. После того как он сложил эту должность, [отец], пригласив на совет родственников и друзей, дома признал его виновным по обвинению в стремлении к царской власти и после порки приказал казнить, а его имущество посвятил Цере».
26. Broughton T. R. S., Patterson M. L. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. I. Atlanta, 1986 (repr. 1951). P. 20.
27. Валерий Максим. Девять книг достопамятных деяний и высказываний / пер. с лат., коммент., вступ. ст. и прил. А. М. Сморгчова. М.: РГГУ, 2020. С. 252.
28. См., в частности: Morstein-Marx R. *Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic*. Cambridge, 2004. P. 204—207.
29. Краткий, но информативный анализ см.: Любимова О.В. Наследие популяров в политике Августа (по данным *Res gestae divi Augustae*) // *Исторический вестник*. Т. 19. М., 2017. С. 230—232.
30. Токарев А. Н. Становление официальной идеологии принципата императора Августа. Харьков, 2011. С. 61—63; 72—73.
31. Сморгчов А. М. Валерий Максим: римлянин на грани веков // *Вестник древней истории*. Т. 79. 2019. № 1. С. 78—79.
32. Ср.: Liv. IX. 46. 10—11; 13—15; Plut. Pomp. 13; Aur. Vict. Vir. ill. XXXII. 2.
33. О противоречивом восприятии Аппия Клавдия Цека именно как героя «примеров» (*exempla*) см.: Roller M.B. *Models from the Past in Roman Culture. A World of Exempla*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 95—133.
34. См. о нем: Токарев А. Н. Становление официальной идеологии принципата императора Августа. Харьков, 2011. С. 61—63.
35. Sen. Ep. XCVII. 8; Mart. I. Pr. (Марциал осуждает Катона за лицемерие).
36. Ср.: Cic. De fin. III. 7; Plut. Cato Min. 19. См. комментарий: Briscoe J. *Valerius Maximus, Facta et dicta memorabilia, Book 8. Text, Introduction, and Commentary*. В.; Boston, 2019. P. 132.

37. Val. Max. II. 10. 7; III. 1. 2a; 2b; 4. 6; IV. 1. 14; 3. 2; 12; VI. 2. 5; VII. 5. 6; VIII. 7. 2; 15. 10.

38. Ср.: Hor. Od. I. 12. 35; II. 1. 24; Verg. Aen. VIII. 670; Manil. I. 794—795; 797; Vell. II. 34. 3; 35. 2.

39. Валерий с восторгом отзывался о даровании Цицерона (II. 2. 3; V. 3. 4), ни слова при этом не сказав о его республиканских убеждениях.

40. Lucarelli U. Exemplarische Vergangenheit: Valerius Maximus und die Konstruktion des sozialen Raumes in der frühen Kaiserzeit. Göttingen, 2007. S. 292 (итоговый вывод).

Библиография:

1. Валерий Максим. Девять книг достопамятных деяний и высказываний / пер. с лат., комм., вступ. ст. и прил. А. М. Сморгчова. М., 2020.
2. Любимова О. В. Наследие популяров в политике Августа (по данным *Res gestae divi Augustae*) // Исторический вестник. Т. 19. М., 2017. С. 226—291.
3. Межеричкий Ю. Я. «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016.
4. Павлов А. А. Плебейский трибунал Римской Республики в античных политических теориях, сочинениях антикваров и юристов. М.; СПб., 2022.
5. Сморгчов А. М. Валерий Максим: римлянин на грани веков // Вестник древней истории. Т. 79. 2019. № 1. С. 77—89.
6. Сморгчов А. М. Прошлое и настоящее в системе ценностей Валерия Максима // Древние цивилизации: социум и человек. Доклады конференции Российской ассоциации антиковедов с международным участием. Ярославль, 2018. С. 196—204.
7. Токарев А. Н. Становление официальной идеологии принципата императора Августа. Харьков, 2011.
8. Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. Т. 1. М., 1985. С. 22—105.
9. Bloomer W. M. Valerius Maximus and the Rhetoric of the New Nobility. Chapel Hill; University of North Carolina Press, 1992.
10. Briscoe J. Valerius Maximus, *Facta et dicta memorabilia*. Book 8. Text, Introduction, and Commentary. B.; Boston, 2019.
11. Broughton T. R. S., Patterson M. L. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. Atlanta, 1986 (repr. 1951).
12. Carney T. F. The Picture of Marius in Valerius Maximus // *RhM*. 1962. Vol. 105. P. 289—337.
13. Galinsky K. *Augustan Culture: an Interpretive Introduction*. Princeton, 1996.

14. Galinsky K. Vergil's Uses of "Libertas": Texts and Contexts // *Vergilius*. 2006. Vol. 52. P. 3—19.
15. Gowing A. M. *Empire and Memory. The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture*. Cambridge, 2005.
16. Lobur J. The power of examples and examples of power // *Paideia*. Vol. LXVIII. 2013. P. 293—325.
17. Lucarelli U. *Exemplarische Vergangenheit: Valerius Maximus und die Konstruktion des sozialen Raumes in der frühen Kaiserzeit*. Göttingen, 2007.
18. Maslakov G. *Valerius Maximus and Roman Historiography: A Study of the Exempla Tradition* // *ANRW*. II, 32, 1. B.; N. Y., 1984. P. 437—496.
19. Morstein-Marx R. *Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic*. Cambridge, 2004.
20. Roller M. B. *Models from the Past in Roman Culture. A World of Exempla*. Cambridge, 2018.
21. Rüpke J. *Knowledge of Religion in Valerius Maximus' Exempla: Roman Historiography and Tiberian Memory Culture* // *Memory in Ancient Rome and Early Christianity* / ed. by K. Galinsky. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 89—111.
22. Wilkinson S. *Republicanism during the Early Roman Empire*. L.; N. Y., 2012.
23. Wirszubski C. *Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate*. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.
24. Xinyue B. (Un)Seeing Augustus: Libertas, Divinisation, and the Iuvenis of Virgil's First Eclogue // *JRS*. 2021. Vol. 111. P. 31—48.

Political Mythology in the Work of Valerius Maximus

Andrey Smorchkov

Russian State University for the Humanities

Russian Federation, Moscow

Abstract

The article examines the ideas about the republic in the work of the Roman author Valerius Maximus, who lived at the beginning of the principate. The most revealing elements of the republican structure are taken for analysis: the People's Assembly, the Senate, the Tribunes of the Plebs, freedom, the enemies of freedom, as well as the image of Cato the Younger as the embodiment of the moral spirit of the republic. Valerius's narrative is dominated by outstanding personalities and the Senate, which fully corresponds to the current political situation. Such attention to the individual reflects a certain departure from polis collectivism. "Freedom" is perceived by Valerius undoubtedly as the antipode of the sole power, although the special position of the princeps in the new political system was also realized by our author. However, the contradiction here is only external, since already under Augustus an understanding of freedom as "security" (*securitas*) was formed, which linked freedom with authoritarian power. The views of Valerius Maximus basically correspond to the optimate's worldview, i.e. the *res publica* of the past for him is primarily associated with the leadership of the Senate. But this optimate's view reflects the opposition of the "best citizens" not only to the unreasonable people, but also to the claims of an outstanding personality to sole rule. In this respect, this "program" has come into clear contradiction with the new political situation, changing and adapting as the monarchical principle strengthens. The transformation of optimate's views is shown by the example of an ardent supporter of the republic Cato the Younger, whose image in Valerius Maximus' work reflects the transformation of past events into textbook examples outside the historical context.

Keywords: Valerius Maximus, republic, principate, senate, plebeian tribunes, freedom, Cato the Younger

Publication date: 15.03.2023

Citation link:

Smorchkov A. Political Mythology in the Work of Valerius Maximus // *ISTORIYA*. – 2023. – V. 14. – Issue 2 (124). URL: <https://history.jes.su/s207987840024673-9-1/>. DOI: 10.18254/S207987840024673-9